

Магомедрасулова Раисат Багадуровна

старший преподаватель кафедры
гуманитарных дисциплин
Дагестанского государственного института
народного хозяйства
dom-hors@mail.ru

**НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
СУБЪЕКТЫ И РЕСУРСЫ ВЛИЯНИЯ
НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО**

Аннотация:

В статье определены неформальные политические институты в республиках Северного Кавказа, субъекты и ресурсы их влияния на политическое пространство.

Ключевые слова:

неформальные институты, политическое пространство, субъекты влияния, ресурсы, Северный Кавказ.

Magomedrasulova Raisat Bagadurovna

Senior Lecturer of the Department
for the Humanities,
Dagestan State Institute of
the National Economy
dom-hors@mail.ru

**INFORMAL INSTITUTIONS
IN THE NORTHERN CAUCASUS:
SUBJECTS AND RESOURCES OF
INFLUENCE ON THE POLITICAL SPACE**

Summary:

The article defines informal political institutions in the republics of the Northern Caucasus. The author considers subjects and resources of their influence on the political space.

Keywords:

informal institutions, political space, subjects of influence, resources, Northern Caucasus.

Актуальность темы состоит в том, что система политических институтов Российской Федерации имеет сложное и неоднородное строение. Формальные, то есть регулируемые законодательством, институты взаимодействуют и переплетаются с неформальными, которые регулируются нормами обычаев и традиций. Симбиоз в наибольшей степени влияет на политическое пространство таких полиэтничных и традиционалистских сообществ, как республики Северного Кавказа. Поэтому актуально установление неформальных политических институтов в макрорегионе, ресурсов их воздействия на политический процесс, субъектов влияния властей.

Степень разработанности темы такова. Теоретические основы анализа неформальных институтов создали Дж. Марч и Й. Олсен [1], Д. Норт [2]. На материалах постсоветской России А.Д. Хлопин разработал концепцию «общества клик», объяснив симбиоз формальных и неформальных институтов, типологию правящих групп и их политические практики [3]. Внимание востоковедов к неформальным институтам на Северном Кавказе стало проявляться в 1990-х гг. вследствие необходимости урегулирования конфликта в Чечне. Наиболее значимые работы в русле государствоведческих исследований шариата и адатов созданы Л.Р. Сюкияйненом [4] и В.О. Бобровниковым [5]. Важны исследования этнократических элит, проведенные Ж.Т. Тощенко [6], А.В. Понеделковым и А.М. Старостиным [7], коллективом авторов под руководством В.В. Черноуса [8]. Патрон-клиентарные политические практики на Северном Кавказе проанализированы А.А. Санглибаевым [9]. Роль субэтнических и конфессиональных сообществ в политическом процессе выявляют И.А. Задворнов и А.М. Халмухамедов [10], Э.Ф. Кисриев [11], С.П. Анников [12]. Типологию региональных политических режимов в постсоветской России предложил А.В. Баранов [13].

Но степень изученности проблемы в ракурсе политической науки нельзя признать достаточной. Чаще всего исследователи делают выводы на материале отдельных субъектов федерации, а не макрорегиона в целом. Сохраняется обособленность таких направлений, как анализ теневой экономики, конфессиональных группировок, этнократических элит.

Цель статьи – определить неформальные политические институты в республиках Северного Кавказа, ресурсы и субъекты их влияния на политическое пространство. Внимание сосредоточено на таких важнейших субъектах политики, как правящие и оппозиционные региональные элиты, этнические и конфессиональные сообщества.

Методологической основой избран исторический институционализм (Т. Скокпол [14], С. Хантингтон [15]), что полезно для анализа традиционалистских сообществ. Для этого направления характерно понимание институтов как норм, формируемых организованными социальными и политическими группами и закрепляемых «снизу вверх», формализуемых системой государственной власти.

Эмпирическую основу работы составляют опубликованные материалы экспертных опросов: о факторах региональных конфликтов, проведенных Южным научным центром РАН [16]; о ресурсах

власти и практиках элит, проведенных Северо-Кавказской академией государственной службы [17]; массового опроса о распространенности этнократии и религиозного радикализма, реализованного Дагестанским государственным университетом [18]. Важны этнографические исследования теневой экономики, предпринятые в 2011–2012 гг. Кавказским центром проектных решений [19].

Институциональная система сообществ Северного Кавказа характеризуется перераспределительными отношениями в экономике; доминированием этнических, конфессиональных и территориальных групп над индивидами; патрон-клиентарными отношениями власти; господством интегрирующих религиозных и этнических ценностей. Так, территориальная структура чеченского общества (по выводам И.А. Задворнова и А.М. Халмухамедова) имеет жестко организованные уровни: «куп» – неформальные объединения 10 семей соседей либо родственников; «сектора» по 30 купов; сельские общины (их главы избираются предводителями купов); районные сообщества; население всей республики [20]. Данная структура переплетается, но не совпадает, с субэтническим строением народа («к'ам»). В него входят: «дойзал» – семьи, «нек'и» – родовые общины, «ц'а» – союзы общин, 130 «тейпов» – родов; 9–11 «тукхумов» – племен [21]. Обе структуры, в свою очередь, не совпадают с конфессиональной. В Чечне сложились религиозные сообщества-вирды во главе с устазами. Они объединены в суфийские тарикаты (ряд вирдов во главе с шейхом). Наиболее влиятельны соперничающие тарикаты «кадирийя» и «накшбандийя». Тарикаты в совокупности образуют сообщество мусульман-суфиев [22]. Итак, поведение чеченца регулирует сложносоставная, но вместе с тем, гибкая и устойчивая неформальная система. После распада СССР она усложнилась в связи с укоренением салафитских религиозных объединений.

В каждой республике Северного Кавказа есть этническая и конфессиональная специфика неформальных институтов, но матрица общая. В Дагестане родовые патронимические общности – «тухумы» объединялись в джамааты, которые Э.Ф. Кисриев называет «городами-государствами» и базовым элементом более обширных политических структур. Скрепляющей правовой и идеологической основой джамаатов является ислам [23]. В Дагестане распространены тарикаты. Аварцы, даргинцы, кумыки, лезгины, лакцы, табасаранцы традиционно участвуют в накшбандийском тарикате. Чеченцы, андийцы принадлежат к кадирийскому тарикату. Шазилийский тарикат характерен для аварцев, частично – для кумыков и даргинцев. В менее исламизированных республиках Северо-Западного Кавказа суфизм не прижился. Преобладает «традиционный» ислам, повышена роль адатов и этнических морально-правовых регуляторов поведения. Религиозная структура общества не совпадает, «переплетается» с этнической.

Привнесенные в XVI–XIX вв. институты российского государства наложились на исходную политическую систему Северного Кавказа, отчасти адаптировали ее, но не смогли искоренить. Так, после окончания Кавказской войны российская администрация внедрила «военно-народную систему управления» горскими сообществами, имперские чиновники опирались на родоплеменные старейшин и знатоков Корана. В сфере гражданского и административного права применялись нормы шариата, то есть поддерживался полиюридизм. Советская система до 1927 г. также вынуждена была сохранять шариатские суды и поддерживать баланс интересов с традиционными элитами [24]. Колхозы, по сути, стали адаптированным вариантом джамаатов – этноконфессиональных местных сообществ. Неформальные институты окрепли при эрозии советского общества, когда распространились теневые рыночные отношения и этнические балансы распределения власти в партийно-государственной номенклатуре.

С крушением СССР возник «дефицит» политического порядка, который быстро был «возмещен» субъектами традиционалистского типа. Особо нужно отметить роль этнократических элит, национальных движений, радикальных религиозных структур, стремительно выросших в период «суверенизации». Важнейшими условиями их успеха стали: ослабление центральной государственной власти, договорная и асимметричная модель федерализма 1990-х гг., этнизация системы власти на Северном Кавказе, дискриминация этнических меньшинств – носителей модернизации, распространение теневой экономики.

В нашей статье за основу взято определение этнократии, предложенное Ж.Т. Тощенко. Это форма политической власти, при которой властвование ведется на основе интересов избранной этнической группы в ущерб интересам равноправия других групп [25]. В институциональном аспекте этнократия выражается в отождествлении «нации» и субъекта государственной власти, в диспропорциональном представительстве народов в органах власти и местного самоуправления, в целенаправленной дискриминации «нетитульных» групп. Но полезно уточнить трактовку этнократии на основе конструктивистской парадигмы. Часто субъект монополярной власти – «титовская нация» – не существует в реальности, а преднамеренно «выстраивается» усилиями идеологов; сочиняется ее «великое прошлое» и символы, вокруг которых предстоит сплотить этнические сообщества. Так, А.А. Санглибаев приводит яркие примеры внутри-

этнических клановых конфликтов в Чечне и Карачаево-Черкесии, по остроте не уступающих противостоянию центральной власти [26].

Подлинным субъектом власти и наиболее статусным участником политики внутри республик Северного Кавказа выступают этнократические элиты. Они имеют ядром вертикально соподчиненные президентам республик «клиентелы» – сообщества по принципу личной преданности, землячества и родства. В структуре элит количественно доминируют административные – государственные служащие – поскольку обладание полномочиями власти в экономически депрессивных сообществах дает основную ренту. Административная элита дает 70–90 % политической элиты республик (данные массового анкетного опроса 2003 г. под руководством О.В. Гаман-Голутвиной) [27, с. 8]. Но важнее гильдейская (закрытая и неконкурентная) модель обновления элит Северного Кавказа, проникновение неформальных (земляческих, этнических) принципов в деятельность официальных органов власти. Состав госслужащих не только поддерживает асимметрию этнополитических статусов, но и усиливает ее. По подсчетам А.В. Понеделкова и А.М. Старостина, в высшем слое административных элит республик Северного Кавказа на 2001 г. насчитывалось меньше 10 % славян, хотя они составляли до 25 % жителей макрорегиона. Пропорциональное участие русских в элитах отмечалось лишь в среднем и низшем слоях госслужащих [28]. Как известно, в Чечне дважды поспешно отправляли в отставку председателей правительства республики – русских по национальности. В Дагестане одним из проявлений конфликтности выступает несоразмерный этнический состав Народного Собрания и исполнительной власти, как и в Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Адыгее [29, с. 235–254].

Другой из субъектов политики на Северном Кавказе – национальные движения – имеют социальную базу в интеллигенции «титовых» народов, местном чиновничестве, предпринимателях. Они легализовались явочным порядком в 1989–1991 гг., а после распада СССР претендовали на власть, уже не довольствуясь ролью инструмента в руках партноменклатуры. Движения выдвигали требования «национального суверенитета», верховенства республиканских законов над общероссийскими, территориальные претензии. Многие движения (Национальный совет балкарского народа и Конгресс кабардинского народа; «Стыр Ныхас» и объединение «Наша Осетия» в Северной Осетии; «Тенглик», «Садвал», «Бирлик», Народный фронт им. Шамиля в Дагестане; «Адыгэ хасэ» и т.д.) использовали институт «съезда народа». Движения создавали незаконные военизированные формирования. В Чечне им удалось провести захват власти (август–сентябрь 1991 г.). С 1994 г. укрепшая административно-политическая элита республик – интегрировала активистов национальных движений в свой состав. Институт съезда народа (либо народов) продолжает использоваться для легитимации власти и сплочения элит (пример Дагестана в 2010 г.). Опыт эскалации конфликтов (Карачаево-Черкесия в 1999 и 2008–2011 гг., Адыгея в 2005–2006 гг.) подтверждает, что национальные движения остаются достаточно сильным субъектом политики, позволяющим проводить этнополитическую мобилизацию.

Вследствие историко-политических факторов самый развитый тип движений институционализирован в Дагестане, где они выросли в «этнопартии» (по определению Э.Ф. Кисриева) [30]. Они строятся по кланово-родственным и территориальным признакам, связаны с джамаатами. 25 % общественных организаций Дагестана в 1990-х гг. были моноэтническими партиями [31, с. 124]. Но дагестанские «этнопартии» не совпадали с этническим составом населения, а выражали интересы межэтнических коалиций. Такое строение вызвано сложным переплетением размежеваний общества [32, с. 113]. С 2003 г. федеральный закон «О политических партиях» запретил регистрацию партий, созданных по конфессиональному, этническому либо региональному принципу, но такие организации продолжают действовать на Северном Кавказе, маскируясь под региональные отделения общероссийских партий.

Начиная со второй половины 1990-х гг., в системе субъектов политики на Северном Кавказе качественно растет статус радикальных религиозных организаций. Они объединяются на идеологической основе, разработанной в зарубежных центрах – Саудовской Аравии, Катаре, Пакистане и прочие. Речь идет о преднамеренном искажении отдельных положений ислама для распространения мобилизующей идеологии, о внедрении радикальной конфессиональной идентичности в политический процесс. Ключевыми идеологемами салафизма (ваххабизма) выступают: жесткое единобожие; непримиримая борьба против иноверцев и отступников от ислама; соблюдение шариата прежде всего насильственными средствами; непризнание любой власти, отступившей от шариата; проповедь равенства в умме, борьбы с секулярным общественным порядком и коррупцией ради возврата к первоначальному исламу [33, с. 257]. Сложились сети «джамаатов» – радикальных группировок, присвоивших название традиционной общины. Часть из них действует легально. Но преобладают незаконные структуры, в том числе – координируемые с 2007 г. «Имаратом Кавказ». Автономные сети взаимодействуют опосредованно, идеологически. Организационные принципы северокавказских радикальных группировок копи-

руются с ближневосточных: единоначалие, сплоченность, благотворительность и взаимопомощь, забвение этнических делений в умме, цель создания единого глобального государства мусульман. Можно согласиться с выводами А.А. Игнатенко о последствиях ваххабизма. Он ведет к расколу уммы; к созданию активной антигосударственной группы с единой идеологией и глобальной централизованной организацией, подчиненной зарубежным центрам; к распространению религиозной нетерпимости и дискриминации; к оправданию насилия, вплоть до экстремизма и терроризма, против всех «неверных» [34, с. 263–264].

Между субъектами политического влияния – этнократическими элитами, национальными движениями и радикальными религиозными организациями отлажен обмен ресурсами влияния: экономическими, социальными, политическими, информационными. Как доказали многие исследователи [35; 36; 37], материальную основу обмена составляет теневая экономика и нецелевое расходование федеральных субсидий в региональных бюджетах. По расчетам В.В. Селютина, удельный вес занятости в неформальном секторе экономики колеблется от 29 % в Кабардино-Балкарии и Адыгее до 50 % в Чечне и Дагестане (2009 г.) [38, с. 150–152]. С.Я. Суций обратил внимание на парадокс: рост реальных доходов населения Северного Кавказа несоразмерно выше роста ВРП. В Ингушетии за 2001–2009 гг. реальные доходы выросли в 4,5 раза, а ВРП – на 17 % [39, с. 176]. По сведениям Министерства экономического развития и торговли РФ, удельный вес трансфертов федерального бюджета в доходах консолидированного бюджета республик Северного Кавказа составлял к августу 2010 г. от 55 % в Адыгее до 90 % в Чечне и Ингушетии, продолжая расти [40]. Отчасти, эти средства перераспределяются по патрон-клиентарным и коррупционным каналам. Террористы, кроме глобального финансирования по каналам исламской «хавалы», обложили поборами местных предпринимателей, получив от них только в Дагестане за 2011 г. 100 млн руб. (оценка директора ФСБ РФ А. Бортникова) [41, с. 78].

Таким образом, можно прийти к следующим выводам статьи. Республики Северного Кавказа имеют «двойную» систему политических институтов: формальных государственных и неформальных, коренящихся в традиционном характере общественных институтов и практик. Постсоветский период характерен архаизацией политических институтов. В их системе на первые роли выходят этничность, кровнородственные земляческие связи, религиозность. Политическими субъектами, реализующими организационно данную систему, выступают этнократические элиты, национальные политические движения и радикальные конфессиональные организации. Ресурсы их влияния обеспечиваются, прежде всего, теневой экономикой, коррупцией и патрон-клиентарными взаимодействиями.

Главной задачей реформ политических институтов республик Северного Кавказа является всесторонняя модернизация социальных отношений в макрорегионе. Она требует обеспечения межэтнического мира и согласия, политической безопасности и правопорядка, противодействия идеологии и практике экстремизма и терроризма. Необходимо последовательно проводить антикоррупционную политику, формировать новые, менее связанные круговой этноконфессиональной поручкой, элиты республик. Ключевая роль в реформе отводится федеральной власти, ее политической воле и эффективности целеполагания государственной стратегии развития.

Ссылки:

1. March J., Olsen J. *Elaborating the «New Institutionalism»* // *The Oxford Handbook of Political Institutions* / Ed by R.A. Rhodes, S.A. Binder, B.A. Rockman. Oxford, 2006.
2. Норт Д. *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М., 1997.
3. Хлопин А.Д. *Гражданское общество versus социум клик* // *Институциональная политология: Современный институционализм и политическая трансформация России*. М., 2006. С. 299–315.
4. Сюкияйнен Л.Р. *Шариат, обычай и закон: координаты правового бытия российского мусульманина*. Человек и право. М., 1999.
5. Бобровников В.О. *Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие (Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана)*. М., 2002.
6. Тощенко Ж.Т. *Этнократия: история и современность (социологические очерки)*. М., 2003.
7. Понеделков А.В., Старостин А.М. *Региональные этнократические элиты Юга России* // *Власть и элиты в современной России*. СПб., 2003. С. 309–318.
8. Черноус В.В. *Этноэтатизм и этнократии на Юге России: Южнороссийское обозрение*. Вып. 37. Ростов н/Д, 2006.
9. Санглибаев А.А. *Этноклановость на постсоветском пространстве*. 2007. № 6. С. 52–63.
10. Задворнов И.А., Халмухамедов А.М. *Тейпы и тукжумы* // *Родина*. 2000. № 1–2. С. 28–30.
11. Кисриев Э.Ф. *Ислам и власть в Дагестане*. М., 2004.
12. Анников С.П. *Система органов государственной власти Чеченской Республики в условиях этнополитического конфликта: проблемы политической институционализации: автореф. дис. ... канд. полит. наук*. Краснодар, 2009.
13. Баранов А.В. *Региональные политические режимы России в системе властных отношений: проблемы типологии* // *Человек. Сообщество. Управление*. Краснодар, 2012. № 4. С. 62–73.
14. Scocpol T. *Social Revolutions in the Modern World*. Cambridge. N.Y., 1994.
15. Хантингтон С. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М., 2004.
16. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. *Региональная конфликтология: концепты и российская практика*. М., 2008.

17. Игнатов Г., Понеделков А.В., Старостин А.М. и другие. Российская элита в зеркале социологии. Информационно-аналитические материалы. Ростов н/Д, 2007.
18. Дибиров А.-Н.З., Сафаралиев Г.К. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, проблемы, организация, практика, профилактика и противодействие. Махачкала, 2009.
19. Соколов Д., Магомедов Х., Силаев Н. Источники конфликтов и развития на Северном Кавказе: Доклад Кавказского центра проектных решений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/222461> (дата обращения: 27.07.2013).
20. Кисриев Э.Ф. Указ. соч. С. 30.
21. Там же. С. 29.
22. Акаев В.Х. Ислам. Социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д, 2004.
23. Анников С.П. Указ. соч. С. 21–25.
24. Матвеев В.А. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Ростов н/Д, 2011. С. 196–215, 290–320.
25. Тощенко Ж.Т. Указ. соч. С. 55–59.
26. Задворнов И.А., Халмухамедов А.М. Указ. соч. С. 58–59.
27. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции // Политические исследования. 2004. № 2. С. 6–19.
28. Понеделков А.В., Старостин А.М. Указ. соч. С. 317.
29. Кокорхоева Д.С. Тенденции политической институционализации системы органов власти республик РФ в условиях постсоветских реформ. Назрань, 2011.
30. Анников С.П. Указ. соч. С. 32–33.
31. Калоева Е.Б. Балканский кризис и ситуация на Кавказе: размышления об общности уроков // Россия и современный мир. М., 2004. № 3. С. 120–132.
32. Ибрагимов М.-Р., Мацузато К. Чужой, но лояльный: Причины «нестабильной стабильности» в Дагестане // Политические исследования. 2005. № 3. С. 102–115.
33. Алиев А.К., Арухов З.С., Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и этноконфессиональная толерантность на Северном Кавказе. М., 2007.
34. Игнатенко А.А. Угроза свободе совести с неожиданной стороны: ваххабизм в России // Двадцать лет религиозной свободы в России. М., 2009.
35. Черноус В.В. Указ. соч. С. 57–82.
36. Задворнов И.А., Халмухамедов А.М. Указ. соч. С. 52–63.
37. Соколов Д., Магомедов Х., Силаев Н. Указ. соч.
38. Селютин В.В. Теневая экономика: экономические и социальные детерминанты и последствия // Юг России: проблемы, прогнозы, решения: сб. науч. тр. Ростов н/Д, 2010. С. 143–154.
39. Суций С.Я. Северный Кавказ. Реалии, проблемы, перспективы первой трети XXI века. М., 2013.
40. Зубаревич Н.В. Социальный атлас российских регионов [Электронный ресурс]. URL: http://www.socpol.ru/atlas/portrait/r_sk.shtml (дата обращения: 15.06.2013).
41. Пащенко И.В. Диверсионно-террористическое подполье как угроза модернизации Северного Кавказа // Реалии многоукладного макрорегиона: потенциал обновления и препятствия развитию. Ростов н/Д, 2012. С. 71–80.

References:

1. March, J & Olsen, J 2006, 'Elaborating the «New Institutionalism»', *The Oxford Handbook of Political Institutions*, in Rhodes, RA, Binder, SA & Rockman, BA (ed.), Oxford.
2. North, D 1997, *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*, Moscow.
3. Khlopin, AD 2006, 'Civil society versus society click', *Institutional Political Science: Modern institutionalism and political transformation in Russia*, Moscow, pp. 299-315.
4. Syukiyaynen, LR 1999, *Sharia law, custom, and the law: the coordinates of the legal existence of the Russian Muslim. The man and the law*, Moscow.
5. Bobrovnikov, VO 2002, *The Muslims of the North Caucasus: custom, law, violence (Essays on the History and Ethnography of the right of Nagorno Dagestan)*, Moscow.
6. Toshchenko, JT 2003, *Ethnocracy: Past and Present (sociological essays)*, Moscow.
7. Ponedelkov, AV & Starostin, AM 2003, 'Ethnocratic regional elites of the South of Russia', *The Power and the elite in modern Russia*, St. Petersburg, p. 309-318.
8. Chernous, VV 2006, 'Etnoetatizm ethnocracies and the south of Russia', *South Russian Review*, no. 37, Rostov-on-Don.
9. Sanglibaev, AA 2007, *Clanishness the post-Soviet space*, no. 6, pp. 52-63.
10. Zadvornov, IA & Khalmukhamedov, AM 2000, 'Tapes and tukhums', *Rodina*, no. 1-2, pp. 28-30.
11. Kisriev, EF 2004, *Islam and power in Dagestan*, Moscow.
12. Annikov, SP 2009, *System of government of the Chechen Republic in terms of ethno-political conflict: the problem of political institutionalization*, PhD thesis abstract, Krasnodar.
13. Baranov, AV 2012, 'Regional political regimes in the Russian system of power relations: the problem of typology', *Man. Community. Management*, Krasnodar, no. 4, pp. 62-73.
14. Scocpol, T 1994, *Social Revolutions in the Modern World*, Cambridge, N.Y.
15. Huntington, S 2004, *Political Order in Changing Societies*, Moscow.
16. Avksentiev, VA, Gritsenko, GD & Dmitriev, AV 2008, *Regional Conflict: Concepts and Russian practice*, Moscow.
17. Ignatov, G, Ponedelkov, AV & Starostin, AM 2007, *The Russian elite in the Mirror of Sociology. Information and analytical materials*, Rostov-on-Don.
18. Dibirov, A-NZ & Safaraliev, GK 2009, *Modern political extremism: the concept, the origins, causes, ideology, issues, organization, practice, prevention and counteraction*, Makhachkala.
19. Sokolov, D, Magomedov, H & Silaev, N 2013, *The sources of conflict and the development of the North Caucasus: Report of the Caucasus Center of design decisions*, retrieved 27 July 2013, <<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/222461>>.
20. Kisriev, EF 2004, *Islam and power in Dagestan*, Moscow, p. 30.
21. Kisriev, EF 2004, *Islam and power in Dagestan*, Moscow, p. 29.
22. Akayev, VH 2004, *Islam. The socio-cultural reality of the North Caucasus*, Rostov-on-Don.

23. Annikov, SP 2009, *System of government of the Chechen Republic in terms of ethno-political conflict: the problem of political institutionalization*, PhD thesis abstract, Krasnodar, p. 21-25.
24. Matveev, VA 2011, Russian universalist transformation and separatism in the North Caucasus (the second half of XIX century – 1917), Rostov-on-Don, pp. 196-215, 290-320.
25. Toshchenko, JT 2003, *Ethnocracy: Past and Present (sociological essays)*, Moscow, p. 55-59.
26. Zadvornov, IA & Khalmukhamedov, AM 2000, 'Tapes and tukhums', *Rodina*, no. 1-2, pp. 58-59.
27. Gaman-Golutvina, OV 2004, 'Russian regional elites: the personal composition and evolution trends', *Political Research*, no. 2, pp. 6-19.
28. Ponedelkov, AV & Starostin, AM 2003, 'Ethnocratic regional elites of the South of Russia', *The Power and the elite in modern Russia*, St. Petersburg, p. 317.
29. Kokorhoeva, DS 2011, *Trends political institutionalization of the system of power in the republics of the Russian Federation in the post-Soviet reforms*, Nazran.
30. Annikov, SP 2009, *System of government of the Chechen Republic in terms of ethno-political conflict: the problem of political institutionalization*, PhD thesis abstract, Krasnodar, p. 32-33.
31. Kaloeva, EB 2004, 'The Balkan crisis and the situation in the Caucasus: Reflections on common lessons', *Russia and the modern world*, no. 3, pp. 120-132.
32. Ibragimov, M-R & Matsuzato, K 2005, 'Alien, but loyal: Causes of "unstable stability" in Dagestan', *Political Research*, no. 3, pp. 102-115.
33. Aliyev, AK, Arukhov, ZS & Hanbabaev, KM 2007, *Religio-political extremism and ethno-confessional tolerance in the North Caucasus*, Moscow.
34. Ignatenko, AA 2009, 'Threat to freedom of conscience from an unexpected quarter: Wahhabism in Russia', *Twenty years of religious freedom in Russia*, Moscow.
35. Chernous, VV 2006, 'Etnoetatism ethnocracies and the south of Russia', *South Russian Review*, no. 37, Rostov-on-Don, pp. 57-82.
36. Zadvornov, IA & Khalmukhamedov, AM 2000, 'Tapes and tukhums', *Rodina*, no. 1-2, pp. 52-63.
37. Sokolov, D, Magomedov, H & Silaev, N 2013, *The sources of conflict and the development of the North Caucasus: Report of the Caucasus Center of design decisions*, retrieved 27 July 2013, <<http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/222461>>.
38. Selyutin, VV 2010, 'The shadow economy: economic and social determinants and consequences', *South Russia: Problems, forecasts solutions: Scientific works*, Rostov-on-Don, pp. 143-154.
39. Suschiy, SY 2013, *The North Caucasus. Realities, problems and prospects of the first third of XXI century*, Moscow.
40. Zubarevich, NV 2013, *Social Atlas of Russian regions*, retrieved 15 June 2013, <http://www.socpol.ru/atlas/portrait/r_sk.shtml>.
41. Paschenko, IV 2012, 'Subversive and terrorist underground as a threat to the modernization of the Northern Caucasus', *Multistructure macro realities: the potential barriers to the development and updating*, Rostov-on-Don, pp. 71-80.